

Многоуважаемому Василию Васильевичу
Синовскому
от автора.

или

Бр. п. 40
53

1397

Н. Демидовъ.

Ноябрь 1900.

N 22

О „СЦЕНАХЪ ИЗЪ РЫЦАРСКИХЪ ВРЕМЕНЪ“

А. С. ПУШКИНА.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 л., № 12.

1900.

40
53

78511

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1900 года.

Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности
Императорской Академіи Наукъ, т. V (1900 г.), кн. 2-ой, стр. 631—640.

О «Сценахъ изъ рыцарскихъ временъ», А. С. Пушкина.

Къ 1835 году относятся оставшіеся неоконченными драматическіе наброски Пушкина: «Сцены изъ рыцарскихъ временъ». Интересъ къ западно-европейскому средневѣковому міру, начавшій обнаруживаться у Пушкина еще въ лицѣ, подъ вліяніемъ Жуковскаго¹⁾, особенно усилился послѣ ознакомленія его съ романами Вальтеръ-Скотта. Въ 1830 году, въ Болдинѣ, поэтъ въ программѣ третьей статьи по поводу появленія «Исторіи русскаго народа» Полевого намѣчаетъ вопросъ о происхожденіи и основахъ феодальнаго права на Западѣ, чтобы доказать отсутствіе началъ феодализма въ древней Руси²⁾; въ то же приблизительно время Пушкинъ создаетъ «Скупого Рыцаря»; въ 1833 году, подъ впечатлѣніемъ поэмы Соути: «Roderick, the last of the Gots» и Вальтеръ-Скотта: «The Vision of Rodrigue», онъ пишетъ стихотвореніе «Родригъ», съ сюжетомъ изъ эпохи борьбы испанцевъ съ маврами³⁾ и т. д. Къ этому ряду произ-

1) Соч. Пушкина. Изд. Имп. Акад. Наукъ. Приготовилъ и примѣчаніями снабдилъ Леонидъ Майковъ. Спб. 1899, т. I, примѣч. къ стих. «Сраженный Рыцарь», стр. 211—214.

2) Соч. Пушкина. Изд. Общ. для пособія нужд. литер. и учен. Подъ ред. П. О. Морозова. Т. V, стр. 79—81. Всѣ дальнѣйшія ссылки и указанія сдѣланы по этому изданію.

3) Тамъ-же II, стр. 157—159.



веденій должны быть отнесены и «Сцены изъ рыцарскихъ временъ».

Непосредственный источникъ, откуда нашъ поэтъ могъ заимствовать идею этихъ драматическихъ отрывковъ, можетъ быть указанъ въ одномъ изъ произведеній высоко цѣнимаго Пушкинымъ современнаго ему французскаго писателя, Проспера Мериме. Переведя около 1833 года изъ сборника Мериме: «La Guzla» — «Пѣсни западныхъ славянъ», Пушкинъ такъ отзывался объ этомъ писателѣ: «Мериме острый и оригинальный писатель, авторъ «Театра Клары Газюль», «Хроники временъ Карла IX», «Двойной Ошибки» и другихъ произведеній, чрезвычайно замѣчательныхъ въ глубокомъ и жалкомъ упадкѣ нынѣшней французской литературы»⁴). Всего черезъ годъ послѣ появленія сборника «La Guzla» — въ 1828 году — Мериме написалъ драму, изображающую одинъ изъ наиболѣе трагическихъ моментовъ въ исторіи французскаго народа, кровавое возмущеніе крестьянъ противъ феодаловъ въ половинѣ XIV вѣка, извѣстное подъ именемъ «La Jacquerie»⁵). Пользуясь немногими данными хроники Фруассара («il n'existe presque aucun renseignement historique sur la Jacquerie. Dans Froissard, on ne trouve que peu de détails et beaucoup de partialité»⁶), Мериме съ умѣлъ дать яркую картину народнаго движенія, представляющаго любопытную западно-европейскую параллель къ нашей пугачевщинѣ⁷).

Съ 1833 по 1835 годъ Пушкинъ какъ разъ былъ занятъ изданіемъ своей «Исторіи пугачевского бунта» и въ то же время создавалъ «Капитанскую дочку»⁸), что, можетъ быть, въ свою очередь объясняетъ его интересъ къ названной драмѣ Мериме.

4) Тамъ же III, стр. 480.

5) Augustin Filon, Mérimée. Paris 1898, p. 31—32; Émile Faguet, Prosper Mérimée («Dix-Neuvième Siècle». Paris 1890, p. 314).

6) Prosper Mérimée. Théâtre de Clara Gazul. La Jacquerie. La famille de Carvajal. Paris. Calmann Lévy. 1898, p. 247. Дальнѣйшія цитаты по этому изданію.

7) На это мимоходомъ обратилъ вниманіе Д. В. Аверкіевъ въ своемъ предисловіи къ русскому переводу драмы Мериме, Спб. 1893, стр. IV.

8) Н. И. Черняевъ. «Капитанская дочка» Пушкина. М. 1897, стр. 29—43.

Какия же черты сходства могут быть указаны у Пушкина и Мериме?

Прежде всего, большое сходство обнаруживает общая фабула Пушкинских «Сценъ» съ сюжетомъ известной части «Scènes féodales». Эта общая обоимъ произведеніямъ драматическая фабула представляется въ слѣдующемъ видѣ: молодой человѣкъ изъ низкаго званія, но мечтающій о турнирахъ и рыцарскихъ потѣхахъ, поэтъ-миннезенгеръ⁹⁾, влюбляется въ знатную молодую дѣвицу, которую намѣреваются выдать замужъ за рыцаря, и поступаетъ конюшимъ (un écuyer; Пушк. 332; Mér. Sc. VIII, p. 295) въ замокъ ея отца, стараго рыцаря¹⁰⁾. У дѣвицы есть братъ, пустой и жестокой молодой человѣкъ. Однажды красавица, томясь скукой вдвоемъ со своей служанкой¹¹⁾, узнаетъ о любви къ ней молодого человѣка, сердится на невольную свидетельницу этого, служанку¹²⁾, негодуетъ на дерзость конюшаго¹³⁾ и добивается его удаленія изъ замка¹⁴⁾. Оскорбленный конюшій клянется отомстить и вступаетъ въ ряды возставшихъ противъ рыцарей крестьянъ. Происходитъ осада замка¹⁵⁾...

Далѣе Пушкинъ за Мериме не слѣдуетъ: его драма осталась неоконченной. Но, кромѣ общаго сходства сюжетовъ, можно указать также рядъ сходныхъ деталей въ содержаніи. Герой драмы, молодой миннезенгеръ, у Пушкина въ такихъ выраже-

9) У Пушкина: poète (въ черновой программѣ) IV, 332; министрель, 321; миннезингеръ, 328; у Мериме: mon beau ménestrel. Sc. XV, p. 325; Il joue de la mandore et de la sambuque. En fait de gaie science (tous les talents nécessaires à un troubadour), il en sait autant qu'un ménestrel de Toulouse. Sc. VIII, p. 295.

10) Такъ у Мериме и въ первоначальной программѣ у Пушкина: «il se fait écuyer dans le château du père (de la demoiselle) — vieux chevalier» Пушк., IV, 332. Въ самомъ текстѣ сценъ у Пушкина отца замѣняетъ братъ дѣвицы.

11) Ah, que je m'ennuie. Mér. Sc. VIII, p. 295. Берга, мнѣ скучно. Пушк. IV, 322.

12) Impertinente. Mér. Sc. VIII, p. 300; дура. Пушк. IV, 323.

13) Предерзкая тварь. Пушк. IV, 323; Vit on jamais semblable hardiesse. Mér. Sc. VIII, p. 299.

14) У Мериме она прогоняетъ влюбленнаго сама; у Пушкина въ программѣ: «il est chassé par le frère, à la prière de la demoiselle»; въ текстѣ сценъ конюшій изгнанъ уже до ея просьбы.

15) Sièges du château. Пушк. IV, 333.

ніяхъ тоскуеть о рыцарскихъ забавахъ: «Боже мой! и никогда не подыму я пылы на турнирѣ, никогда герольдъ не возгласить моего имени, презрѣннаго мѣщанскаго имени»¹⁶⁾. Буквально тѣми же словами выражены эти сѣтованія у Мериме: «je suis vilain... Dans un tournois... je n'ai pas le droit de vaincre»¹⁷⁾. По изгнаніи изъ замка несчастный влюбленный у Пушкина пегодуетъ на рыцарей въ такихъ словахъ: «Я переносилъ униженіе... Боже, кровь кидается въ лицо, кулаки мои сжимаются... О, я самъ отмщу, отмщу»¹⁸⁾. У Мериме: «J'étais un vilain... Ah! ce mot me brûle le coeur!.. Je voudrais pouvoir faire disparaître de la terre tous ces porteurs d'éperons dorés!»¹⁹⁾.

У Мериме душою возстанія представляется монахъ, братъ Жанъ, занимающійся алхиміей и умѣющій дѣлать золото²⁰⁾; у Пушкина также выведенъ монахъ Бертольдъ, преданный алхиміи и добывающійся секрета дѣлать золото. Хотя онъ и не является повстанцемъ въ прямомъ смыслѣ слова, руководителемъ бунта, какъ во французской драмѣ, но оказывается революціонеромъ въ иномъ, болѣе широкомъ, значеніи слова: изобрѣтаетъ порохъ и взрываетъ замокъ на воздухъ. Вмѣсто вымышленнаго Мериме революціонера-клерика («eu supposant qu'un moine fut le chef des révoltés, je ne crois pas avoir péché contre la vraisemblance historique». *Mér.*, p. 247), нашъ поэтъ хотѣлъ представить широкое обобщеніе средневѣковой жизни, подорванной въ своихъ основахъ изобрѣтеніемъ пороха и книгопечатанія. Эта основная идея Пушкинскихъ сценъ сквозитъ въ заключительныхъ словахъ послѣдней — невыполненной части программы: «La pièce finit par des réflexions et par l'arrivée de

16) IV, 321.

17) *Mér.*, p. 303. Sc. X.

18) Пушк. IV, 324.

19) *Mér.*, p. 303. Sc. X.

20) Одинъ изъ монаховъ говоритъ о немъ, что онъ сидитъ «dans sa laboratoire, entouré de ses cornues» (Sc. I, p. 254); «vous savez l'alchimie», говоритъ ему одинъ крестьянинъ (p. 292, Sc. VII), «il savait faire de l'or» (p. 294, Sc. VII), подтверждаетъ другой.

Faust sur la queue du diable (découverte de l'imprimerie — autre artillerie)²¹⁾.

И у Пушкина и у Мериме монахъ встрѣчаетъ погруженнаго въ мрачныя думы менестреля и вступаетъ съ нимъ въ разговоръ.

У Пушкина:

— Здравствуй, Францъ! О чемъ ты задумался?

— Какъ мнѣ не задуматься? Сейчасъ отецъ грозилъ меня выгнать... за то, что я знакомство веду съ рыцарями²²⁾.

У Мериме:

— C'est toi, Pierre. Que fais tu ici à cette heure?

— Je maudis ma destinée, le père qui m'a engendré, et le ciel qui m'a fait naître vilain²³⁾.

И въ русской и во французской драмѣ описывается типичный маневръ крестьянской войны: предварительно стараются ранить лошадей подъ рыцарями (у Пушкина—косами, стр. 326; у Мериме — вилами, sc. XII), чтобы тяжелые латники попадали на землю. Рыцари надменно кричатъ обступившимъ ихъ съ недобрыми намѣреніями крестьянамъ: «Гей вы, долой съ дороги. Долой, говорятъ вамъ»²⁴⁾. И у Мериме тотъ же вызывающе-дерзкій окрикъ: «Place! Place, canaille»²⁵⁾.

Одинаково аргументируютъ въ обѣихъ пьесахъ представители низшихъ сословій, защищая свои права.

У Пушкина: «Развѣ мѣщанинъ недостойнъ дышать однимъ воздухомъ съ дворяниномъ? Развѣ не всѣ мы произошли отъ Адама»²⁶⁾. — У Мериме: «N'êtes vous pas comme eux enfants d'Adam? N'êtes vous pas des hommes de la même chair que ces seigneurs si orgueilleux?»²⁷⁾ И Мериме указываетъ источникъ,

21) Пушк. IV, 333.

22) Тамъ же IV, 319.

23) Mér. Sc. X, p. 303.

24) Пушк. IV, 326.

25) Mér., Sc. XVII, p. 330.

26) Пушк. IV, 319.

27) Mér., p. 280. Sc. IV.

откуда онъ взялъ это народное разсужденіе — старую англійскую пѣсню: «When Adam delv'd and Eve span, Where was then the gentleman?»²⁸⁾

Въ дальнѣйшемъ, въ обѣихъ пьесахъ къ этой аргументаціи добавляется горько-ироническая поправка относительно мнимаго равенства «братьевъ по Адаму»: у Пушкина: «Каинъ не могъ дышать однимъ воздухомъ съ Авелемъ»²⁹⁾. У Мериме одинъ говоритъ: «Nous sommes tous frères»..., а другой добавляетъ: «Oui, comme Abel et Caïn»³⁰⁾.

Въ послѣдней сценѣ пушкинской пьесы сострадательная дама проситъ пощады для схваченнаго рыцарями молодого человѣка: «нельзя ли помиловать этого бѣднаго человѣка?» Одинъ изъ рыцарей ей отвѣчаетъ: «Да вы не знаете подлаго народа. Если не пугнуть ихъ порядкомъ... то они завтра же взбунтуются опять»³¹⁾. У Мериме Изабелла также проситъ за крестьянскаго юношу: «Pardonnez lui, je vous en prie, à cause de moi». На это рыцарь отвѣчаетъ ей: «Cette espèce est comme les chiens qui vous mordraient, si l'on n'avait toujours le fouet à la main... Ah, que vous connaissez peu cette engeance!»³²⁾

Любопытно, что идею предназначавшагося для включенія въ текстъ пушкинскихъ «Сценъ» стихотворенія «Былъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный»³³⁾ внушила нашему поэту, повидимому, та же драма Мериме. По крайней мѣрѣ, въ ней одно изъ дѣйствующихъ лицъ заявляетъ себя исключительнымъ почитателемъ Мадонны: «Je ne crois plus à ce que croient les seigneurs. Il n'y a plus que la sainte Vierge dont je me soucis encore»³⁴⁾. Къ этимъ словамъ Мериме дѣлаетъ примѣчаніе: «Voir le fabliau du voleur

28) Mér., p. 247.

29) Пушк. IV, 320.

30) Mér. p. 387.

31) Пушк. IV, 329.

32) Mér. p. 272.

33) Пушк. IV, 333. Объ этомъ романсѣ въ книгѣ г. Сумцова: «Этюды о Пушкинѣ», вып. 2. Варшава, 1894, стр. 79—85. Перепечатано въ недавно вышедшей книгѣ того же автора: «Пушкинъ».

34) Mér. Sc. IX, p. 302.

qui entra en paradis par l'intercession de la sainte Vierge, pour laquelle seulement il avait conservé de la dévotion»³⁵).

Ср. у Пушкина:

Пѣть псалмы Отцу и Сыну

И Святому Духу — вѣкъ

Не случилось паладину

.....

.....

..... Пречистая сердечно

Заступилась за него

И пустила въ царство вѣчно

Паладина своего³⁶).

Мотивъ о неустрашимости рыцаря, съ именемъ дамы на устахъ несущагося въ бой съ мусульманами, о чемъ поеть въ этомъ романсѣ у Пушкина менестрель Францъ, тоже находить себѣ какъ будто аналогію въ нѣкоторыхъ чертахъ разсказа менестреля Пьера у Мериме: «Où êtes vous, chevaliers? criait-il... Il charge les Turcs à grands coups de masse... Il tua bien mille Sarrasins»³⁷) (Ср. у Пушкина: Какъ громъ его угроза пора- жала мусульманъ).

Когда отъ влюбленнаго менестреля требуютъ услуги благо- родному рыцарю, а онъ не хочетъ ее оказать, на него сыплется брань: «Ого, какой удалый.—Грубіянь!»³⁸)—«Ce maraud, parce qu'il sait lire, tranche de l'homme d'importance et voudrait pres- que traiter ses maîtres comme ses égaux»³⁹).

Характеръ службы поэта - конюшаго у любимой имъ дамы представляется въ сходныхъ чертахъ у обоихъ авторовъ: «Когда

35) Mér., p. 404.

36) Пушк. IV, 334.

37) Mér. Sc. VIII, p. 297. Въ обѣихъ драмахъ представлены еще живыми воспоминанія о крестовыхъ походахъ: Пушк., IV, стр. 327; Mér. Sc. V, p. 285.

38) Пушк. IV, 323.

39) Mér. Sc. IV, p. 279.

вы садитесь верхомъ, онъ всегда держитъ вамъ стремя⁴⁰⁾; когда онъ служить за столомъ, онъ не видитъ никого, кромѣ васъ; если вы уроните платокъ, онъ всѣхъ проворнѣе его подыметъ»⁴¹⁾—«Tu me porteras mon livre à la messe, et, à souper, tu me serviras à boire»⁴²⁾.

«Долго ли графъ пробудетъ у насъ?», спрашиваетъ дѣвица своего брата относительно влюбленнаго въ нее рыцаря⁴³⁾.—«Et aurons-nous longtemps l'honneur de vous garder, mon seigneur?» спрашиваетъ у Мериме она сама ухаживающаго за ней⁴⁴⁾.

У Мериме есть сцена, ярко характеризующая представителей буржуазіи, мѣщанства: ихъ обидчивость на гордыхъ дворянъ, наивное самодовольство, чванство и скаредность. У Пушкина вмѣсто многихъ лицъ въ первой сценѣ выведенъ одинъ буржуа, но характеризующійся совершенно такъ же, какъ и у Мериме. И у Мериме и у Пушкина буржуа — торговецъ сукнами. «Господа насъ презираютъ», негодуетъ онъ⁴⁵⁾. У Мериме одинъ изъ мѣщанъ тоже говоритъ про дворянина, что онъ «si hautain et si fier»⁴⁶⁾. Пушкинскій буржуа самодовольно говоритъ, что «не промѣняетъ своей лавки на ихъ голые каменные замки, гдѣ они съ голоду свищутъ. Я знаю тебя: ты стыдишься своего состоянія»⁴⁷⁾. У Мериме: «La bourgeoisie, quand elle est aussi ancienne que la mienne, par exemple, est comme la noblesse»⁴⁸⁾. Жадность буржуа выражена у Пушкина въ слѣдующей сценкѣ:

— Сейчасъ тебѣ вынесу... сколько тебѣ надобно?

— Полтораста гульденовъ.

40) Объ этомъ видѣ услуги влюбленнаго, еще въ «Евг. Онѣг.» I, XXXIV: «Въ завѣтныхъ иногда мечтахъ держу я счастливое стремя» и т. д.

41) Пушк. IV, 323.

42) Mér., Sc. VI, p. 287.

43) Пушк. IV, 324.

44) Mér. Sc. XIV, p. 318.

45) Пушк. IV, 317.

46) Mér. Sc. XXIII, p. 357.

47) Пушк. IV, 317.

48) Mér. Sc. XXIII, p. 358.

— Сто пятьдесят гульденовъ... Боже мой! и еще въ какія крутыя времена ⁴⁹⁾.

У Мериме:

— Vite, donnous leur ce qu'ils demandent.

— Hélas! soixante deniers; mais nous serons tous ruinés ⁵⁰⁾!

Говоря объ отличіяхъ Пушкинскихъ сценъ отъ драмы Мериме, слѣдуетъ отмѣтить прежде всего, что специально французскія бытовыя подробности у Пушкина стерты. Вѣроятно, замѣна вымышленнаго у Мериме революціонера отца Жана не менѣе революціоннымъ, съ Пушкинской точки зрѣнія, по отношенію ко всему строю среднихъ вѣковъ, изобрѣтателемъ пороха Бертольдомъ Шварцемъ и введеніе въ придачу къ нему еще первопечатника Фауста ⁵¹⁾ заставила его и у остальныхъ лицъ вмѣсто французскихъ ввести чисто нѣмецкія имена и прозвища (Карль Герцъ, Юлія Фурстъ, рыцарь Ротенфельдъ). Имена молодого рыцаря Альберта и красавицы Клотильды могли быть внесены изъ написаннаго ранѣе «Скупого Рыцаря».

Тѣ подробности пушкинскихъ «Сценъ», какія не находятъ себѣ аналогіи у Мериме, отсутствуютъ въ первоначальной программѣ у самого Пушкина. Такъ, у Мериме и въ пушкинской программѣ согласно рассказывается, что герой «se fait écuyer dans le château du père (de la demoiselle) — vieux chevalier» ⁵²⁾, а въ текстѣ «Сценъ» стараго рыцаря, отца, нѣтъ вовсе, но есть не оговоренная въ программѣ сцена ⁵³⁾, гдѣ братъ дѣвицы приглашаетъ героя къ себѣ въ конюшіе и рассказываетъ, какъ его прежній слуга умеръ отъ его побоевъ. Отсутствіе этой сцены въ программѣ показываетъ, что она создана самостоятельно нашимъ поэтомъ, чтобы изображеніемъ одной изъ жестокостей

49) Пушк. IV, 319.

50) Mér. Sc. XXIII, p. 360.

51) См. А. Н. Веселовскій. «Пушкинъ и европейская поэзія». Журналъ «Жизнь», май 1899, стр. 124.

52) Пушк. IV, 332.

53) Тамъ же, 321—322.

10 нот

Брп40
53

рыцарей (обильно приведенныхъ у Мериме, но опущенныхъ Пушкинымъ) мотивировать возникновение крестьянскаго бунта.

Также вставлена Пушкинымъ и отсутствующая у Мериме сцена пререканий между молодымъ миннезенгеромъ и его отцомъ, старымъ буржуа. Поэтъ, очевидно, колебался, гдѣ вставить эту сцену: въ программѣ онъ поставилъ ее *послѣ* позорнаго изгнанія конюшаго изъ замка, въ «Сценахъ» — она *предшествуетъ* его поступленію туда, и непокорный сынъ представленъ уже не заставшимъ въ живыхъ отца, который передъ смертью его проклялъ и оставилъ наслѣдство своему подмастерью. Колебаніе относительно того, въ какое мѣсто заимствованной фабулы лучше всего вставить дополнительную сцену, доказываетъ, что Пушкинъ исходилъ изъ готовой, взятой у Мериме, фабулы и присоединялъ къ ней созданныя имъ самимъ сцены.

То, что мы имѣемъ отъ пушкинскаго замысла въ настоящее время, — это одинъ неоконченный эскизъ, въ которомъ сказалась однако рука крупнаго художника. «Находившія лишнія страницы даже въ Вальтеръ-Скоттѣ», Пушкинъ, конечно, находилъ ихъ и въ Мериме. И на разбираемомъ его произведеніи ярко сказалась характерная особенность его творчества, удачно подмѣченная Гоголемъ: «сжать въ двухъ-трехъ страничкахъ главную мысль» какого-либо произведенія, «мѣтко понять и сосредоточить въ одно крѣпкое ядро». Для историка развитія пушкинскаго творчества здѣсь интересна одна изъ многочисленныхъ попытокъ художческаго проникновенія поэта — «протеза» въ общечеловѣческую сторону жизни чуждой націи и далекой эпохи, умѣнье уловить «запахъ, цвѣтъ земли, времени, народа», способность «дышать стариною времени минувшаго»⁵⁴).



54) Соч. Н. В. Гоголя. Изд. 10-ое, подъ ред. Н. С. Тихонравова, т. IV, стр. 185.

78511